

3. Уйгун
4. Абу Райхан Беруни

6. Ташкент — Узбекский академический театр драмы им. Хамзы

7. режиссёры: Ходжаев А., Ибрагимов Б.
художник: Брим Т., Байков А.

Ташкент — 2 сент. 1973 г.
Ташкент, 1973, 31/41

г. Ташкент

ВЕЛИКИЙ СЫН ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА



НЕДАВНО прогрессивная общественность всего мира отметила тысячулетие со дня рождения Абу Райхана Мухаммеда ибн Ахмеда аль-Беруни — выдающегося среднеазиатского ученого-энциклопедиста.

В Москве, Ташкенте, в других городах страны состоялись торжественные собрания, научные конференции, открылись выставки, посвященные жизни и деятельности великого хорезмийца, вышли новые издания его трудов.

Личность великого ученого, гуманиста, патриота привлекала внимание и художников, работающих в разных жанрах и видах искусства. В дни, предшествующие юбилею, появились живописные и графические портреты, замечательные, первые по глубине веков обильного. На одной из ташкентских площадей чело- веку из предместья, как называли его современники, воздвигнут памятник. Снят несколько документальных фильмов о жизни и научном подвиге Беруни.

В дни юбилея состоялся Каракалпакский государственный театр драмы и музыкальной комедии имени Станиславского открыл свой новый сезон пьесой Т. Сейтажанова, рассказывающей о хорезмском периоде жизни Беруни. Имя великого ученого появилось в юбилейные дни и на афишах Академического театра драмы имени Хамзы, показавшего премьеру спектакля, в основе которого пьеса народного поэта Узбекистана Уйгуна «Абу Райхан Беруни».

Постановку спектакля осуществлял народный артист СССР А. Ходжаев и молодой режиссер В. Юлдашев.

Сформили его художники Г. Брим и А. Батманов.

Режиссерские решения и спектакля сдержанно и выразительно. Звон цепей, кандалный звон. Мы слышим его еще до того, как вспыхнет свет рампы. Это звенят кандалы на руках брошенного в темницу Абу Райхана Беруни, это звенят цепи на руках и ногах полудуха узника, сидящего скрючен на массивных стенах тюрьмы.

В следующий миг зритель замечает, что стены действительно подожжены, под их усилением они действительно раздвигаются... Но за ними видны другие.

Этот прием, найденный режиссерами и художником, проходит через весь спектакль — те же унылые или рабы, зная цепями, одна-го или раздвигают установленные на круге и нольные стеновые стены массивные распорные камни, представляющие собой элементы декорации, создавая формулировку каждой следующей картины.

Многократно повторенный сценический прием придает характер символа, метафоры — кандалный звон как печальный рефрен, как скорбный лейтмотив проходит через звуковую картину всего спектакля, помогая воссоздать мрачную и тягостную атмосферу раздираемого жестокими распряями, насыщенного, но выражено Беруни, «слабыми страсти» Хорезма на рубеже второго тысячелетия.

И от этого еще отчетливее, еще ярче трагедия, еще

значительное подвиг великого ученого и гуманиста, опережавшего свое время, и мировые торжествовал справедливость и человечность, самотом своих идей расценивавшего мрак и пролагающего пути в будущее.

Личность Беруни — сложная, в известной мере противоречивая. Заведомо обреченной на неудачу оказалась бы попытка воссоздать ее в драматическом произведении во всей глубине и сложности. Великоленио понимая это, драматург сосредоточил внимание лишь на некоторых сторонах характера своего героя. Вслед за автором, исходя из его замысла, пошли и постановщики спектакля, и исполнитель заглавной роли З. Мухамеджанов.

В спектакле театра имени Хамзы Беруни предстает перед нами прежде всего как мужественный и стойкий боец за справедливость, не сгибающийся головой перед сильным мира сего.

Чувство собственного достоинства не покидает его и в минуту смертельной опасности, ибо питается оно глубокой убежденностью ученого в истинности своих взглядов, верой в конечное торжество добра и справедливости. Беруни, как многие великие его предшественники и потомки, имел право бес доминантности оценивать величие своих трудов и открытий, мог и имел право прозвонить те же слова, что за много веков до него произнес римский поэт Гораций, а через несколько столетий великий русский поэт: «Я памятник себе воздвиг... «Я сумел, — писал Беруни, — приобрести славу такой славы, память и блеск которой будут длиться как мое наследство, в будущем через поток лет и поколений».

И эта «одеяла» давала право человеку из предместья, сыну провинции как с равными, — нет, даже не как с равными, — а с чувством огромного превосходства говорить с кровавым и беспощадным воеводою Махмудом Газави, с вероломным Каратегином, с юродливой царедворкой Сайрой, с жалкими и безвольными шахом Мамуном.

И эта черта характера Беруни — его стойкая и непреклонная решимость отстаивать свои убеждения, отстаивать даже, если нужно, своей собственной жизнью — пожалуй, наиболее яркая и выходящая в образе, созданном З. Мухамеджановым.

К сожалению, не получила столь же убедительного воплощения другая грань облика Беруни, грань, пожалуй, еще более важная и существенная — та, которая раскрыта бы перед нами Беруни — великого ученого.

В спектакле Беруни предстает перед нами как человек, занимающийся научной деятельностью, но вряд ли зритель, незнакомый с тру-

дами Беруни, не осведомленный о характере его занятий и содержании совершенных им открытий, может составить соответствующее истинное представление о величине и значимости его вклада в науку, осущит то «дыхание гения», которое исходит от личности подлинно, истока которого Беруни. Прозвонило это, на мой взгляд, потому, что в пьесе не созданы достаточно убедительные типичные обстоятельства, в которых мог бы раскрыться во всей глубине характер ученого.

Думается, если говорить о фигуре Беруни — среднеазиатского ученого эпохи Возрождения, — такие типичные обстоятельства могли бы возникнуть в атмосфере диспута, в атмосфере беседы с учениками, в атмосфере обмена научными учениями и единодушными мнениями, а противниками. В пьесе и спектакле есть и то, и другое, и третье. Но в диспуте нет подлинного, напряженной мысли, творческого обмена репликами, отпущения с учениками-коллегами, например, с великим его современником и другом Ибн Синай, — выходящий за сцену, житейский, а следовательно, общепонятный Беруни своим ученикам, вряд ли могут дать хоть отдаленное представление об уровне знаний их истинного творческого напором, способные составить ложное представление о нем.

Конечно, пьеса об ученом — это не первая его попытка, и сценический Беруни вовсе не должен ограничиваться цитатами из своих научных трудов. Он может на протяжении всей пьесы не произносить ни одной «ученой» фразы, но в то же время в каждом слове, произнесенном им, должно слышаться упорное бегание сердца и упорное движение мысли великого ученого.

Яркость и убедительность главного героя сценического произведения определяются во многом яркостью и убедительностью характеристик окружающих его героев и персонажей.

Ярче других получившись в спектакле образы Махмуда Газави (артист Т. Азизов), Каратегина (А. Юнусов), шаха Мамуна (Т. Каримов), Сайры (С. Нарбаева). Все это персонажи из стана врагов Беруни. К социальности не отнесены яркость и убедительность характеристик героев, близкие Беруни, его друзья. Великой тенью Беруни проходит по спектаклю Ибн Синай (артист Х. Нурмагомедов), ничем не привлекает зрительского внимания Гулсалям (Г. Джамилова), то же можно сказать и о ряде других персонажей.

В этом направлении, в направлении углубления и оживления сценических характеристик, театру еще, пожалуй, предстоит работа. И чем успешнее она будет осуществлена, тем все более и значительнее будет роль театра памяти великого сына Древнего Хорезма.

В. ИВАНОВ.
Кандидат философских наук.